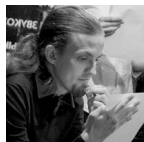

Сибирская школа политической географии: Интервью с Фартышевым Арсением Николаевичем

Фартышев Арсений Николаевич

кандидат географических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия; заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия

fartyshev.an@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5392-8633>

Arseny Fartyshev

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Head of the Laboratory of Georesource Studies and Political Geography, V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia

fartyshev.an@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5392-8633>

ИНТЕРВЬЮЕР **ЛЮБИМОВА АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА**,
СТАЖЁР-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОЛОДЁЖНОГО КЛУБА РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА «TERRA POLITICA» НАУЧНОГО
СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА МГИМО МИД РОССИИ:

— *Здравствуйте, уважаемый Арсений Николаевич! Очень рада, что Вы согласились дать комментарий для нашего издания. Скажите, пожалуйста: сибирская школа политической географии — какая она? Что именно выделяет её среди других школ? Какие ее характеристики, отличительные черты Вы бы назвали?*

ФАРТЫШЕВ АРСЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ:

— Сибирская школа... Если именно говорить про восточно-сибирскую школу — а она даже в Восточной Сибири отличается, то, во-первых, вся эта школа базируется, как правило, на учреждениях, институтах РАН. То есть это не при образовательных организациях, а при академических учреж-

дениях, и это накладывает свою специфику. Во-вторых, каждый институт, который создавался в регионах Сибири, так или иначе имеет свою специфику. Я представитель иркутского отделения. Могу больше, конечно, про свою лабораторию сказать, потому что у нас в названии есть политическая география — с 2003 года у нас появилось это наименование [прим. ред. — Лаборатория георесурсоведения и политической географии].

Но в принципе, я не отрицаю, что есть коллеги из Улан-Удэ, Байкальского института природопользования, которые тоже затрагивают проблемы политической географии. В Бурятии, разумеется, интересуются трансграничными факторами, потому что они располагаются рядом с Монголией, и для них приграничие очень важно. Отсюда там уклон в трансграничные связи, как они складываются.

— А вот в какие годы, как Вы бы могли сказать, сложилась школа? И сложилась ли она, что более важно?

— Ну все-таки школа — это когда есть какая-то определённая преемственность тем, преемственность методологии, преемственность взглядов. Я могу сказать о том, что, например, учение Леонида Алексеевича Безрукова о континентально-морской дихотомии много людей продолжают развивать. Не могу сказать, что оно касается непосредственно политической географии, потому что все-таки оно в первую очередь про экономическую географию, просто политико-географический фактор там один из многих других... Но все же больше про экономическую географию. А вот непосредственно политическая география — я не могу сказать, что у нас ее школа какая-то сложившаяся, скорее, она формирующаяся до сих пор.

— Несмотря на то, что, как Вы говорите, школа еще формируется, наверняка уже видны ее отличительные черты. По Вашему мнению, какие характеристики есть у сибирской школы?

— Ну, вообще, политическая география в нашем институте связана с именем бывшего заведующего лабораторией — Байрона Мустафовича Ишмуратова. Он издал книгу, сейчас дословно не вспомню название, изданную в Иркутском издательстве. У него как раз в качестве ученика защищался Леонид Алексеевич Безруков. Вообще, политическая география у нас связана с классическими геополитическими акторами, дихотомией суши и моря. В девяностые годы у нас были договоры с Иркутским избиркомом, заказывались исследования по электоральной географии. Сейчас в институте осталось несколько направлений. Наша лаборатория аккумулирует

три таких направления: 1. Геоэкономический блок — идеи Леонида Алексеевича Безрукова о континентальности; 2. Электоральная география — работы Алексея Анатольевича Черенёва; 3. Геополитические факторы, ближе к политологии — это моя сфера.

— Как Вы уже упоминали, сложно говорить о “чистой” политической направленности сибирской школы: например, сильно влияние экономической географии. А можно ли выделить влияние других географических школ — особенно физической географии — на исследования Вашей лаборатории? Как теории и концепции Вашего института взаимодействуют с изучаемыми темами?

— В методологическом плане я бы выделил одну ключевую особенность, которая отличает наш подход от московских географов и других институтов, это исключительное внимание к картографии. Эта традиция напрямую связана с тем, что наш институт носит имя Виктора Борисовича Сочавы — основоположника учения о геосистемах. В его понимании, геосистема представляет собой комплексную структуру, объединяющую природные, академические и политические процессы. Наша лаборатория — одна из многих (наряду с лабораториями экономической, социальной и физической географии), но все мы продолжаем развивать это направление. Так, это проявляется в том, что обязательными элементами работы для нас являются: создание интегральных карт и атласов; визуализация геосистем; фотографирование объектов исследования.

Лично меня всегда удивляет, когда в статьях по политической географии отсутствуют карты. Для нас это кажется странным, хотя я не утверждаю, что это плохо — просто подчеркиваю характерную особенность нашей школы.

— Очень интересная черта! Действительно чувствуется синтез научных школ. Давайте поговорим о Вашей непосредственной научной деятельности. Какие проекты или отдельные работы Вы могли бы выделить?

— Если говорить о наиболее значимых работах, то прежде всего следует упомянуть книгу Байрона Мустафовича Ишмуратова [прим. ред. — «Региональные особенности рационализации природопользования и охраны среды»]; это скорее философский труд постановочного характера, чем исследовательская монография. И, конечно, классическая работа Леонида Алексеевича Безрукова о континентально-морской дихотомии — её часто цитируют, и в среде общественных географов она считается практически

классикой. Есть и другие интересные публикации, но они не совсем по нашей прямой тематике.

Что касается текущих проектов. С 2017 года мы реализуем совместный проект с монгольскими коллегами при поддержке РФФИ (а теперь РНФ) под руководством Леонида Алексеевича Безрукова. Второе — мой собственный проект посвящён категории друженности и географического влияния в контексте геополитического положения — это чисто политико-географическое исследование с минимальным включением экономической составляющей. Третье — была интересная работа Юлии Сергеевны Размахниной (тогда ещё аспирантки) по ритмичности электорально-географических процессов. Она проводила полевые исследования в бурятских сёлах, собрала около 400 анкет и видеointervью. Жаль, что материал не был оформлен в монографию, но результаты опубликованы в статьях.

— А в каком направлении Вы хотели бы дальше развивать исследования? Остаться в этой канве или интегрировать новые темы и методы? Возможно, уже есть какие-то конкретные явления, которые хотели бы изучить?

— У меня в телефоне хранится список тем — около 30 пунктов, — которые я хотел бы рассмотреть в рамках научной работы. Когда к нам приходят первокурсники-политологи и распределяются по научным руководителям, я смотрю в этот список, выбирая для них темы. Правда, часто получается, что предлагаемые мной темы оказываются слишком сложными для студентов — скорее, подходящими для кандидатских диссертаций. Коллеги даже говорят мне: «Арсений Николаевич, придумывайте попроще, а то студенты просто впадают в отчаяние от такого объема работы!» Хотя на самом деле есть и простые, даже базовые темы. Например, наши студенты собирали базу данных по электоральной географии (географии выборов) и географии власти — тому, как власть функционирует в пространстве.

— Ваша лаборатория известна активным использованием методов пространственного анализа. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этом? Какие конкретные инструменты вы используете в работе?

— Основной метод, который мы используем — это классическое районирование. Мы наносим изучаемые процессы на карту, выделяем устойчивые ареалы и анализируем их функциональные особенности в разных территориальных контекстах. Но мы не ограничиваемся только районированием и картографией. Например, мы активно применяем социологические методы

— выезжаем в поле, проводим интервью. Это позволяет понять не просто «где?» и «как?», но и «почему?» происходят те или иные процессы. Статистика сама по себе не даёт ответа на эти вопросы, а полевые исследования помогают строить обоснованные гипотезы — скажем, объяснять электро-ральные предпочтения в конкретных населённых пунктах.

— *Любопытно, Вы такое внимание уделяете социологической составляющей — это определенно заслуживает уважения! Интересно было бы узнать подробнее и про количественную методологию.*

— Корреляционный и регрессионный анализ — это стандартные статистические инструменты, которые мы, безусловно, используем в работе для выявления закономерностей. Однако хочу отметить важный момент: сам по себе факт использования этих методов ещё не гарантирует качественного исследования. Проблема в том, что многие исследователи применяют корреляционный анализ формально, без должного понимания его ограничений. Например, часто забывают, что корреляция не означает причинно-следственную связь. Кроме того, многие не учитывают такие факторы, как наличие выбросов или мультиколлинеарность, что может существенно исказить результаты. В нашей практике мы стараемся использовать эти методы осознанно, всегда проверяя предпосылки и интерпретируя результаты с учётом предметной специфики.

— *Используете ли вы более сложные или просто другие модели? Возможно, не только регрессионные, но и математические модели? Я имею в виду численное моделирование.*

— В нашем институте есть замечательная лаборатория теоретической географии под руководством Александра Константиновича Черкашина [*прим. ред. — на момент взятия интервью; сейчас лабораторией заведует Анастасия Викторовна Мядзелец*] — выдающегося учёного и педагога. Под его руководством, например, пять студентов прошли путь от первого курса до защиты кандидатских диссертаций — это показатель качества подготовки. Александр Константинович убеждён, что грамотное применение математического моделирования может значительно повысить качество географических исследований.

— *Какие ещё методы Вы считаете перспективными?*

— К примеру, метод главных компонент — его активно использует лабора-

тория теоретической географии. Я пока не совсем его освоил, но для нас это направление будущего. Ещё сетевой анализ как отдельное направление исследований. Вот, например, мы собрали базу данных военных учений: кто с кем проводит, как часто. Это же готовая сеть! Можно кластеризовать страны по интенсивности взаимодействия, посчитать центральность узлов... Кстати, с КНДР у нас ни разу не было совместных учений, хоть мы и считаемся союзниками. А с Монголией — ежегодно с 2007 года. Почему? — Это уже вопросы для анализа.

— Да, данные для сети военных учений действительно будто уже и собраны. Однако это проект еще не претворенный в жизнь. Есть ли у Вас незавершённые проекты, которые хотелось бы продолжить развивать и довести до конца?

— Да, например, упоминавшийся мной проект Юлии Размахниной. Ещё мечтаю развивать военную политическую географию: у нас уже есть студентка, которая собрала базу из 550 учений — надо бы её доработать.

— Спасибо! Что Вы считаете главным вызовом для сибирской школы политической географии?

— Опять же, пока рано говорить о сложившейся школе. Нужно ещё одно-два поколения исследователей, чтобы закрепить методологию и традиции. Но уже сейчас есть уникальные темы — например, континентальность или трансграничные связи, — которые трудно изучать в других регионах. Главное — не превращать геополитику в абстракцию. Мы должны учиться считать даже такие вещи, как «дружественность», иначе всё останется на уровне субъективных оценок.

— Большое спасибо за беседу!